
Светлана ЧЕРНЫШОВА

* * *

покажи другое, зомбоящик,
дивное из детства покажи:
голосом Дроздова говорящие
по тропинке топают ежи.
пахнет мамин «ландыш серебристый»,
в ванной кран ревет, как водопад.
топают ежи.
их путь тернистый
освещает солнце в сорок ватт.
и пока мы плыли по течению,
вглядываясь в радужные сны,
оттрубили красные олени
в выцветшей синтетике страны.
мне жалеть о том? помилуй боже,
все тогда (да и сейчас уже)
оказалось ложью. ложью. ложью.
кроме ландыша, конечно, и ежей —
нежных, колких, с карими глазами.
в черный мертвый ящик говорю:
— топайте, ежи, я здесь, я с вами,
я вас люблю.

* * *

Великий пост у православных —
Ряды мясные приуныли,
И винные стоят кислее.
Татары рубятся в кошу.
А я безмерно покупаю вина и розового мяса.
И очень нравится татарам, как я грешу.

Так любы грешницы мужчинам —
Они не тощи и не постны,
В них свет и глянец лососинный,
Им грех как будто небом дан.
И не в конфессии ведь дело...
Сама видала, как татарка
Вгрызалась с хищным аппетитом
В кусище сала с чесноком.

Светлана Чернышова родилась в 1972 году в г. Большой Камень Приморского края. Окончила Дальневосточный государственный университет, медик, психолог. Живет и работает в Севастополе. Публиковалась в журналах «Нева», «Аврора», «Урал» и других.

При всем при том, был пост великий —
Светлейший месяц Рамадан.

Все женщины грешны с рожденья.
Вот низкорослая малышка,
Кота ероша, строит глазки десятилетнему юнцу.

Не стоит ни единой рифмы
Прозаика повествованья,
И нужно бы, наверное, это
Постом в фейсбуке записать.
Но так свежо сегодня море,
Волнообразно и ритмично
Раскачивает речь, и сумки,
И тело, и немножко душу,
Что с рынка я домой несу.

* * *

в ноябре, в островном государстве «К»
межсезонье, скука, токай, тоска.
рассветает редко, темнеет наверняка
и рано.

он читает «новости юбк»,
а она — у окна считает бакланов.
недосчитывается одного,
и, отхлебывая вино,
говорит ему: больше так не могу,
я отсюда уеду.
в Благовое, Китеж или Сказань,
да плевать... в любую Дряньтаракань.
он — ей:
нефть опять дорожает, глянь!
и (зевая)
ничего пока
не планируй на среду.

а она мигренивый трет висок,
видит: море сушу глодает наискосок,
ей подмигивает и — скок —
забирает качели,
палисадника с розами жирный кус,
изможденной сирени дрожащий куст.
он (из кухни) — ей:
— почему ты опять не убрала тефтели?

— тэфтели, —
поправляет его машинально,
море заходит в спальню,
она:
— я тебя ждала.
я уже не боюсь.

он (вздыхая):
— да уж, здесь в межсезонный шторм
понимаю, милая, черт-те что:
ветер воет, дохлая рыба, грязь,
гаснет свет и никакая связь.
вот отстроим домик на юбок,
заведем собаку, насадим вишен.
запишись на фитнес, на арт пока.

а она (уплывая) ему:
— ага.

он уже не слышит.

ГЕРАКЛЕЯ

Я срезаю розы. Сахарно куст хрустит.
Буйство роз... в ноябре их нелепая жажда к жизни
Неуместна, как если сейчас причитать навзрыд
О любви к подурневшей отчизне.

Гераклея остылым солнцем утомлена,
Дремлют псы у забора, мелькнет средь сливовых веток,
Широченная в белый горох спина
Вечно пьяной соседки.

Что еще я вижу? Белье полощется на ветру,
У холма лисий хвост искрится, как хвост кометы.
Ну, а если взглядеться? Греки, греки толпой идут
Возвестить о начале света,

В коем канет бесстыдное время гибридных войн,
Диссонансных рифм и лжецов всех мастей и званий.
Греки, греки уже разожгли на холме огонь,
А когда неуютный вечер погасит пламя,

Обнажится все, что под пеплом лежит давно,
И любой артефакт прежним именем будет назван:
Гераклея. Полночь. Разбавленное вино.
Умирание роз
В замутненных вазах.

* * *

у старших сестер
глаз хитер,
еще и поганый язык востер.

давай, говорит, сказочку расскажу.
ложусь в постель, почти не дышу,
губу закушу, сказочку жду.

летит, говорит, гусь, летит,
совершает посадку на обе культуры,
ковыляет к тебе, клюв у него восковой,
пришел, говорит, за тобой
а взгляд у него лед.

я и так уже почти не дышу, а сестрица как заорет:
ОТДАЙ МОЕ СЕРДЦЕ!

я с визгом под одеяло, сердце в пятках колотится,
она смеется взახлеб, как дебильная,
прямо убила бы.

я потом этого гуся
припоминала в двадцать, тридцать,
но как стукнуло ей шестьдесят,
перестала припоминать — боюсь,
мне опять стал страшен огромный гусь.

только подумай о нем — уже летит,
совершает посадку на обе культуры,
и сестрицу клювом восковым хватать
а я вокруг — глядь
никого
помогите
помогите
ветер воет в трубе
скорая где
черт знает где

пошел вон гусь
пошел
пошел
ничего
ничего
поживем еще

* * *

на заброшенной даче, где с музой гостишь,
под портвейн и картошку на сале
ударована библиотечная тишь —
впрочем, это уже написали.

пахнет сыростью слезной прогнивший матрац,
но сквозняк рано утром свежеет,
и у музы — в стекле затуманенных глаз —
кареглазых стрекоз мельтешенье.

и покуда жилье зарастает былъем,
то пыльцой укрываясь, то пылью,
я молчу о своем, ты молчишь о своем...
так о чем мы с тобой говорили?

не привить мандельштамовку к слову эпох:
мелки завязи душ одичавших.
снова муза роняет болезненный вздох,
и, присев на раздолбанный ящик,

замолчишь,
чтоб, сглотнув сладковатую грусть,
ощутить, как сиротство — с блаженством:
вырождение сада, вырождение муз
и земное свое
вырожденство.